

doi: 10.22363/2313-2337-2018-22-2-172-195

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Н.Г. Павлова

Российский университет дружбы народов
Юридический институт
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 6

Статья посвящена исследованию факторов, определяющих границы, или пределы, правовой интеграции в современном глобализирующемся мире. Правовая интеграция является условием и следствием глобализационных процессов. Капитал космополитичен, рационален и требует свободного продвижения товаров, услуг и рабочей силы, а право в современных национальных правовых системах обнаруживает как рациональные качества, так и иррациональные свойства, связанные с социокультурными традициями и особенностями.

В настоящей статье автор выделяет факторы, обуславливающие пределы правовой интеграции в охватившем мир глобализационном процессе. Это: 1) *фактор разноразвития цивилизационного развития*, влекущий непреодолимые различия ценностей западной и незападной цивилизаций; 2) *политический фактор*, связанный с государством (его сущностью, устройством территории и режимом власти); 3) *социальный фактор*, определяющий качество и зрелость гражданского общества, уровень его цивилизованного развития, а также систему защиты прав личности; и, наконец, 4) *юридический фактор*, связанный с глубокими правовыми традициями стран и народов, особенностями юридической техники, правосознания и отношением общества к праву.

Глобализация, в первую очередь экономическая, — это процесс объективный, осуществляющийся отнюдь не по чьему-то замыслу. А вот сущность, форма, функции государства — субъективный выбор нации и правящей элиты, которые выбирают курс либо в направлении гармонизации и сближения национальных законодательств, либо на закрытость, оберегая свою правовую идентичность.

В результате проведенного исследования автор приходит к следующему выводу: социокультурные особенности во всех сферах государственной и общественной жизни аккумулируют национальные различия в праве, определяя специфику и несхожесть, устанавливая пределы правовой интеграции, что препятствует процессам сближения в современном глобализирующемся мире.

В политической сфере интеграционные процессы обретают свои границы в связи с национальными интересами государств, вступающих в региональные и международные организации и союзы, отдавая им часть своих полномочий. В социальной сфере правовая интеграция имеет наибольший объем пределов благодаря наличию значительного количества стран с традиционной структурой общества, где глобализационные процессы воспринимаются как вызов национальной идентичности и усиливают тенденции к сохранению цивилизационных ценностей. В юридической сфере процессы правовой интеграции проходят с разной степенью интенсивности, в зависимости от региона. На европейском континенте эти процессы идут более интенсивно, что

позволяет говорить о стирании граней между романо-германскими и англосаксонскими традициями в праве. В то же время в правовых системах неевропейского, традиционного типа, где право слито с религиозно-нравственными предписаниями, правовая интеграция затруднена.

Ключевые слова: правовая интеграция; глобализация; государственный суверенитет; национально-государственная идентичность; цивилизационные ценности; национально-правовые различия; универсальность прав человека; пределы правовой интеграции

I. Введение

Правовая интеграция является средством и безусловной закономерностью глобальных процессов в современном правовом мире. Глобализация, в первую очередь как закономерность современного экономического развития, а также как масштабный процесс нарастания общего в мировых экономических, политических и социальных системах, предполагает унификацию права и правовую интеграцию.

Главный материальный объект глобализации — это форсированная интернационализация финансово-хозяйственных процессов, протекающая в планетарном масштабе на базе новых информационных технологий. В условиях революции в технической сфере открываются новые возможности для миграции капитала, формирования мощнейших предприятий, ориентированных на глобальные, а не узконациональные рынки.

Капитал по своей природе не имеет национально-территориальных границ, он космополитичен и, как следствие, — нуждается в нивелировке государственных правовых и социальных систем, расширении круга государств, соответствующих демократии западного образца, установлении на всех континентах господства западного права, усилении защиты прав человека, прежде всего, права собственности. Иными словами, требуется унификация и стандартизация политической, социально-экономической и правовой жизни государств, вовлеченных в процесс глобализации.

Это может быть реализовано при *следующих условиях*.

Государство должно иметь форму либеральной демократии: правовое государство, разделение властей, сменяемость власти, транспарентные выборы, независимый суд, гарантированность прав и свобод человека, независимые СМИ.

Общество должно представлять собой сообщество свободных граждан с господством рыночных отношений в экономике, где частная собственность является «священной» и неприкосновенной и где права человека, степень реализации их гражданами определяют природу и сущность государства.

Право должно представлять собой единые правила — масштаб «свободы и равенства» — должно быть максимально «очищено» от религиозных, идеологических, морально-нравственных предписаний.

Данные характеристики государства, общества, человека и права представляют собой западные (европейские) ценности.

Вместе с тем возникает вопрос: насколько эти ценности универсальны?

Сама же действительность, происходящие в обществе процессы свидетельствуют о том, что глобализация сталкивается с проблемами как в государственной сфере различных обществ, так и в социальной, правовой жизни их народов. Многие государства, втянутые в глобализационные процессы, либо не готовы, либо не имеют политической воли на реализацию демократических преобразований в государственной сфере. Общество в этих странах обнаруживает в себе, кроме коллектива потребителей, такие качества, как конфессиональность, культурные установки, этнические устремления и т.д.

Что касается человека, то восточному, африканскому, азиатскому и, в определенной степени, российскому обществу, где индивидуализм никогда не имел крепких корней, непонятны и даже чужды европейские либеральные ценности. Право, в свою очередь, представлено пестротой и многообразием национальных правовых систем, различия между которыми проявляются в механизме правового регулирования, правотворчестве, правоприменении, структурных частях правовой системы (системе источников права, правосознании, правовой культуре и т.д.).

Именно в этих аспектах — *государство, общество, человек и право* — обнаруживаются пределы интеграции. Поэтому актуальным является исследование факторов, определяющих ее пределы в современном глобализирующемся мире. При этом можно предположить, что глобальная унификация права невозможна, поскольку в этом случае она утрачивает свою разумность и необходимость.

Характеризуя глобализационные процессы, необходимо принять во внимание следующие факторы.

Фактор разноразвитости цивилизационного развития, задающий основополагающие, подчас непреодолимые, государственно-правовые различия западной и восточной цивилизаций.

Политический фактор, связанный с государством (его сущностью, устройством и режимом власти). Глобализация, в первую очередь экономическая, процесс объективный, при этом сущность, форма, функции государства — субъективный выбор нации, правящей элиты.

Социальный фактор, определяющий качество и зрелость гражданского общества, уровень его развития, а также систему защиты прав личности.

Юридический фактор, связанный с глубокими правовыми традициями, начиная с особенностей правосознания и отношением общества к праву и заканчивая особенностями юридической техники.

II. Разноразвитое цивилизационное развитие стран и народов

Право в современном мире призвано «обслуживать» процессы глобализации, поскольку другие социальные регуляторы не могут справиться с этой задачей в силу своей локальности, плюралистичности и недостаточной формальной

определенности. Приоритет права над ними давно признан в юридической науке. Как верно предупредил В.С. Нерсесянц, «легитимация права как глобального регулятора во многом будет зависеть от того, что понимается под тем правом, которое предлагается миру в качестве основы глобального правопорядка» (Nersesyants, 2005:40). Стоит заметить, что в зарубежной политической и правовой мысли категория «легитимности» давно известна благодаря трудам М. Вебера, Д. Истона, С. Хантингтона (Veber, 1990; Easton, 1965; Huntington, 2003) и др.

Примечательно, что М. Вебер также разработал классификацию идеальных типов права, которые обуславливают специфику его легитимности в различных обществах. Им выделены три основных идеальных типа права: *традиционный, харизматический, формально-рациональный* (Veber, 1990:601).

Традиционный тип права присущ традиционным типам общества и государства. Термин «традиционный» означает у М. Вебера «определяемый укоренившейся обычной практикой», а в праве он, по-видимому, соответствует тому, что называется «обычно-правовым». При традиционном типе господства легитимность власти основана на «священности вековых норм и властных полномочий» (Veber, 1990:601). Повинуются, по словам М. Вебера, не законодательным нормам, а некоему лицу, занимающему определенную должность в иерархии власти, «в силу традиции или выбранному на этот пост традиционному правителю» (Veber, 1990:602).

Харизматический тип права отвергает в своих притязаниях традиции и в этом отношении ориентирован на изменение сложившихся порядков, «взрыв изнутри» традиционных общественных устоев. В сравнении с рациональным господством, которое легитимно «обосновано рационально созданными правилами», харизматическое господство иррационально, поскольку в своем чистом виде как бы чуждо нормам, повседневным установлениям, институционализации права. Право исходит от харизматического лидера (вождя), выступающего основным творцом правовых норм¹.

Третий — *формально-рациональный тип права* — складывается в западном обществе. Рассматривая ранний этап развития права Запада, М. Вебер указал такие его особенности, которые имели далеко идущие последствия как для становления развитой формально-рациональной системы права, так и для формирования капиталистических экономических отношений. Только Запад, утверждал он, имел опыт вполне развитой системы правосудия, правового регулирования положения статусных групп при феодализме, механизм правового контроля над властью государя со стороны сословий. Лишь на Западе произошла замена системы личных законов «естественным правом», а также в наиболее полном виде осуществлялись рецепции римского права. Нигде, кроме Запада,

---

¹ Подробнее см.: Власть // Политологический словарь: В 2-х ч. / Научн. ред., рук. авт. колл. А.А. Миголатьев, сост. В.А. Варывдин. М.: Луч, 1994. 224 с.

не была достигнута ступень, на которой право в решающей степени формировалось подготовленными специалистами (Veber, 1990:625). Развитие рационального права рассматривалось М. Вебером в тесной взаимосвязи со становлением западной цивилизации, где право одновременно выступало и предпосылкой образования западного общества, и его результатом (Veber, 1990:625). Становление формально-рационального права объективно связано с формированием именно на Западе особого социально-профессионального слоя юристов, обладающих рациональным правовым мышлением, которое не присуще правоведом других регионов и школ.

В современных условиях глобализирующегося мира принято говорить о том, что нравственные ценности развитых демократий, лежащие в основе современной рыночной экономики, могут быть эталоном для глобального миропорядка. Право способно стать общезначимым, глобальным регулятором тогда, когда оно «очистится от вековых нравственно-религиозных наслоений, присущих правовым системам отдельных государств» (Lapaeva, 2016b:18). Вот только «очиститься» праву в глобальном масштабе не так-то просто, а, может быть, и невозможно, принимая во внимание тот факт, что в современном мире существует, как минимум, два пространства цивилизационного устройства: «западные» и «незападные» цивилизации.

В отечественном правоведении в рамках юридического либертаризма была предложена концепция двух типов культур социальной реальности: правовой и неправовой (Nersesyants, 1999:240).

«Правовая (государственно-правовая) культура, или культура правового типа, — это такой тип культуры (социокультуры), при котором достигается и для которого характерна правовая свобода» (Chetvernin, 2003:127). Это, соответственно, западная цивилизация. Остальные культуры (Востока, Африки, Азии), где свобода и индивидуализм никогда не были цивилизационной ценностью, в рамках либертарной концепции, являются неправовыми (Chetvernin, 2003:127).

Как далее утверждают сторонники либертаризма, «двум типам цивилизации соответствуют два типа социальной властной организации (публичной власти) и соционормативной регуляции — государство и деспотия, правовое и уравнилельно-перераспределительное (потестарное) официально-властное регулирование» (Sokol'shchik, 2007:113). При этом деспотия в данном контексте не имеет ничего общего с «кровавым» режимом правления, а наоборот, «деспотия — это прежде всего забота о народе и “народном хозяйстве”. Постоянная задача деспотической организации общества — обеспечивать нормальное воспроизводство, мир и спокойствие в стране» (Sokol'shchik, 2007:114). Такой организации свойственно единство общества и государства (отсутствие гражданского общества), наличие лидера государства (он же лидер нации), механизмов консолидации вокруг него, мобилизации, если понадобится. «В цивилизациях потестарного типа при всей видимости заботы об обществе, государство регла-

ментирует все сферы жизни общества не для того, чтобы сделать его счастливее, а ради одной цели — привести сограждан в такое состояние, которое сделает диктатора, лидера, бюрократическую касту, высшую номенклатуру счастливыми» (Sokol'shchik, 2007:115).

В правовой же ситуации официально-властное регулирование прежде всего обеспечивает свободу в политической, экономической и духовной жизни своих граждан (правовое регулирование).

Наличие, как минимум, двух цивилизационных систем в современном мире существенно мешает процессам глобализации, являясь значительным фактором, определяющим пределы правовой интеграции. Очевидно, что правовая интеграция возможна и происходит в тех отраслях, в которых не имеет принципиального значения влияние нравов, социальной организации и религии. Такими, по нашему мнению, являются торговые отношения, поскольку потребности торговли и условия ее развития и в прошлом, и в современности одинаковы для всех стран. Для обеспечения условий торгового оборота устанавливается известное однообразие торгового законодательства по всему миру. Об этом свидетельствует и возрастающая роль международного частного права. Однако государства с потестарным типом цивилизации испытывают страх быть поглощенными мировой экономикой, стать ее сырьевым придатком, «потерять» суверенитет, свою идентичность, в том числе и правовую.

III. Политический фактор — государство в условиях глобализации

На наш взгляд, либеральная модель будущего мироустройства способна обеспечить поступательное и гармоничное развитие глобализирующейся экономики на основе единых для всех субъектов международных отношений принципов и «правил игры». В этой связи закономерно происходят изменения национальных государственно-правовых институтов. В большинстве современных государств есть конституции, и в подавляющем большинстве из них декларируется приверженность демократическому устройству государства: народо-властие, разделение властей, местное самоуправление, равноудаленность властей друг от друга, «система сдержек и противовесов», независимость судов, право на референдум, конституционный надзор и т.д.

Безусловно, глобализация, как явление многоплановое, оказывает влияние практически на все сферы политической жизни, в том числе и на суверенитет государства. Она активизирует диалог между государствами и их объединениями, ускоряет развитие стран, помогает решать общие проблемы и является мощным стимулом для реализации прав государств и проведения стабильной государственной экономической политики, но при этом способствует развитию процессов этнократизации, религиозного фундаментализма, политического се-

партизизма и изоляционизма, ведущих к дестабилизации политической обстановки внутри государств и на международной арене.

Тезис об ослаблении государственного суверенитета не имеет под собой оснований, несмотря на то, что существует достаточно мнений об обратном (Guehenno, 1995; Ohmae, 1995; Held et al., 1999; Tavis, 2002). Еще Г. Еллинек, анализируя историю понятия «суверенитет», пришел к выводу о том, что суверенитет по своему историческому происхождению «есть представление политическое, не мыслители открыли его в своих ученых кабинетах, его создали те великие силы, борьба которых составила содержание ряда столетий» (Ellinek, 1903:323). Это: церковь, римская империя, крупные корпорации, которые противопоставляли себя государству в Средневековой Европе. Однако древним грекам, как, впрочем, и римлянам, представления о государственном суверенитете были чужды, так как, по мнению Г. Еллинека, в древнем мире отсутствовало противоречие между государственной властью и другими властями (Ellinek, 1903:288). Если государство было, а суверенитета не было, то суверенитет не является имманентно присущим государству качеством.

Определяющим моментом является то, что теория суверенитета формировалась в период становления абсолютизма в Европе. И она же унаследовала абсолютистский дух, соответствующий данному периоду. Жан Боден подвел итог всему предшествующему политическому процессу, справедливо возведя идею суверенитета в основополагающий признак государства, правда, предложил определение содержания суверенной власти путем перечисления ее отдельных прав: право законодательствовать, право объявлять войну и заключать мир, право назначения высших должностных лиц и т.д. (Bodin, 1962:425). И сегодня даже в самых демократических государствах монополия на право, на поддержание порядка, на правосудие принадлежит государству. Суверенитет является необходимым, неотъемлемым свойством государства, лишившись которого оно трансформируется в совершенно иное образование. Именно суверенитет характеризует государство как единственную организацию власти, верховную внутри страны и независимую на международной арене.

Как верно отмечает Ю.А. Тихомиров, суверенитет — это имманентно присущее государству свойство (Tikhomirov, 2006:41). А свойство нельзя ограничить, «расщепить». Это не просто признак, а качественный, сущностный признак, без которого явление перестает существовать.

Проблема суверенитета актуализируется с появлением союзных государств. Споры о государственном суверенитете в условиях федерации развернулись еще в XIX в. В частности, А. Токвиль пытался теоретически расщепить, разделить суверенитет, чтобы обосновать построение союзного государства (Tokvil, 2000:506). Эта идея получила в Германии свое развитие в форме теории «двойного суверенитета» для обоснования возможности создания объединения германских государств. Во Франции также стало формироваться мнение о возможности разделения, раздробления суверенитета между различными субъек-

тами. В частности, А. Эсмен писал, что «федеративное государство раздробляет суверенитет... некоторые атрибуты суверенитета отняты конституцией от отдельных государств и переданы федеративному государству» (Esmen, 1898:7).

Ряд российских авторов также выступает за признание «двойного суверенитета». В частности, Р.В. Енгибарян и Э.В. Тадевосян пишут о том, что «если придерживаться давно изжившей себя концепции “абсолютного суверенитета”, то следует признать, что на одной и той же территории могут действовать два суверенитета» (Engibaryan; Tadevosyan, 2000:215). Аналогичную точку зрения высказывает В.Е. Чиркин, утверждая, что «Российская Федерация и ее субъекты одновременно обладают государственным суверенитетом» (Chirkin, 2015:34).

На наш взгляд, попытки дополнить идею суверенитета возможностью существования двух и более суверенитетов на одной территории, допустимостью ограничения суверенитета государства безосновательны. В противном случае, как справедливо отмечает С.В. Каламанова, «возникают еще более сложные вопросы: суверенитет — это верховенство или нет, независимость или связанность? Если это мера того и другого, то до какой степени, до какого предела может признаваться государственным суверенитетом зависимость независимости, не верховная верховность?» (Kalamanova, 2010:165).

Нельзя, однако, не отметить трансформирующее влияние глобализации на суверенитет государства. В современном мире, как верно отмечает С.М. Кукушкина, «государство должно соблюдать права и свободы человека и гражданина, заботиться о реализации своего суверенитета народами и нациями, проживающими на его территории, учитывать интересы других суверенных государств в международных отношениях, участвовать в решении глобальных проблем. Ранее подобные требования к государствам не предъявлялись. Глобализация существенно изменяет роль государств, оставляя их, однако, важнейшими элементами международной системы, а государственный суверенитет — ее стержнем» (Kukushkina, 2012:96).

Таким образом, корректным будет говорить о том, что государство, вступая в какие-либо международные организации, договоры, межгосударственные объединения, передает им часть своих полномочий добровольно, преследуя собственные национальные цели и интересы. Следует проводить различие между суверенитетом государства и его суверенными правами, перечень которых находит отражение в действующем законодательстве и не является раз и навсегда установленным. Государство обладает теми правами, которые необходимы ему в тот или иной период развития для достижения его целей и интересов. При этом отсутствие или передача государством какого-либо суверенного права международной организации или межгосударственному союзу вовсе не означает утрату или передачу им суверенитета.

Функции государства, как известно, появляются, существуют и изменяются вместе с ним, что проявляется особенно отчетливо в условиях глобализации. Как верно отмечает М.Н. Марченко, «...процесс глобализации затрагивает

национальные государства как экономической стороной, так и социально-политической» (Marchenko, 2009:36). А вот до какой степени это воздействие безгранично, автор не указывает, отмечая лишь, что в отечественной и зарубежной литературе нет однозначного ответа. На наш взгляд, государства по-разному решают этот вопрос, исходя из своих суверенных целей и задач, определенных конституцией. От этого зависит и выбор курса либо на открытость, стремление вписаться в общемировую, в первую очередь, экономический, порядок, либо на закрытость и противостояние.

В.С. Нерсисянц справедливо писал о необходимости «юридизации» государственного суверенитета, признавая, что «это, конечно, определяет правовые границы суверенитета, но это как раз не ограничение прав суверенитета, а признание и выражение суверенитета именно в форме прав и юридических обязанностей» (Nersesyants, 2006:240).

Что касается функций государства, то можно отметить следующее. Безусловно, сохраняются основные задачи государства, а значит и его функции: формирование законодательной базы; создание сбалансированных общих условий макроэкономической стабильности и соответствующей политики; обеспечение основополагающей инфраструктуры и социальных услуг. В исторически развитой государственно-правовой ситуации следует говорить о функциях государства как публично-властной институции по отношению к гражданскому обществу, точнее, к общности индивидов, социальных групп, ассоциаций, объединенных в гражданское общество. Такой подход к функциям государства предполагает различение сфер гражданского общества и государства. Первая из них — это сфера свободной, автономной активности, в которой действуют индивиды, преследующие частные цели и интересы. Сюда входят, прежде всего, экономика и культура.

Субъекты гражданского общества формально равны, их отношения регулируются частным правом. В качестве таких субъектов выступают не только и не столько отдельные индивиды, но и социальные группы, и ассоциации — общественные объединения, политические партии, профсоюзы, союзы предпринимателей и т.д. В этом контексте государство выступает как публично-властная институция, управляющая гражданским обществом в целом и призванная действовать во всеобщих интересах. Государство при этом не должно мешать реализации частных устремлений, конкурирующих в сфере гражданского общества. В современном демократическом правовом государстве отдельный человек, его права и свободы признаются высшей ценностью и по общему правилу имеют приоритет по отношению к общим, или государственным, интересам. Однако в конкретных случаях коллизии прав человека и общих интересов могут разрешаться и в пользу последних.

Видоизменяется, и существенно, экономическая функция государства под воздействием факторов глобального характера: формирование мирового экономического пространства; появление крупных транснациональных корпораций;

глобализация финансовых рынков; создание единого планетарного информационного пространства и т.д.

Очевидно, что государства, вступая в союзы, международные или региональные организации, становятся частью глобальной экономики, и это с неизбежностью влияет на внутреннюю экономическую политику. Примером тому является вступление России во Всемирную торговую организацию, что создало условия для развития экономики и бизнеса в стране, и свободного перемещения товаров и капиталов на внешних рынках. Членство в ВТО дает России возможность использовать весь опыт этой организации для защиты своих интересов, в том числе и при разрешении торговых конфликтов. К сожалению, Россия пока настоящей выгоды от членства в ВТО не получила, поскольку, кроме поставок нефти и газа, новые рынки ею не завоеваны.

Здесь сыграл роль еще один фактор, определяющий пределы правовой интеграции, — политическая воля правящей элиты на консервацию экономических реформ. Этот же фактор политической воли проявляется и в США, подписавших, но не ратифицировавших в свое время Киотский протокол 1997 г.², и не принявших участие в работе Конференции по климату в Париже 2015 г.³

Таким образом, само суверенное государство со своими национальными ценностями и интересами является фактором, определяющим рамки правовой интеграции. При этом важно, чтобы интересы государства полностью отражали интересы народа этого государства, а не только правящей элиты.

IV. Социальный фактор — общество и человек в условиях глобализации

По мере исторического прогресса в индустриальном обществе достигается разделенность политических и экономических отношений, сферы политической власти и сферы собственности, публичного права и частного права. Сфера обменных отношений становится относительно независимой от государственно-властного вмешательства, возникает феномен гражданского общества, в котором отношения между частными лицами не опосредованы публичной властью и все члены общества в равной мере формально свободны.

Основные механизмы саморегулирования гражданского общества — это свободный рынок (экономический механизм), политическая свобода и свободный доступ к независимому правосудию (юридический механизм). Именно соб-

---

² Киотский протокол 1997 г. к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата 1992 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://unfccc.int/resource/docs/convkp/kpeng.pdf> (дата обращения: 15 марта 2018 г.).

³ Historic Paris Agreement on Climate Change: 195 Nations Set Path to Keep Temperature Rise Well Below 2 Degrees Celsius [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://unfccc.int/news/finale-cop21> (дата обращения: 15 марта 2018 г.).

ственность обеспечивает свободу и правовой характер социального взаимодействия. Институцией гражданского общества предстает правовое государство.

В современной отечественной литературе существует достаточное количество авторов, критикующих либеральную модель гражданского общества, основанную на абсолютизации частных интересов собственников, настаивая на «гармоничном сочетании частных и общественных интересов» (Bondar, 2005:176; Marchenko, 2009:123). Так, в своем определении гражданского общества, Н.С. Бондарь несправедливо, на наш взгляд, утверждает, что для российского гражданского общества как раз и характерно это сочетание частных и общественных интересов в силу «глубоких корней евразийской культуры, основанной не на культе индивидуализма (что характерно для Запада), а на традициях общинного коллективизма» (Bondar, 2005:177). Россия является частью европейской цивилизации, экономика страны — рыночная, класс собственников сформирован, как минимум, за счет приватизации жилья, не говоря о представителях малого, среднего и крупного бизнеса. Вопрос лишь в политической воле правящей элиты на создание условий для дальнейшего развития гражданского общества, а главное — действенной правовой защиты частной собственности. Вместе с тем нельзя отрицать наличие у россиян общинного мышления, насильно культивируемого весь XX век. Коллективный труд рождает коллективное сознание, а индивидуализация труда на основе частной собственности с неизбежностью индивидуализирует сознание, что и доказала западная цивилизация.

В современном мире существует достаточное количество государств с традиционным общественным укладом. К ним относятся азиатские страны на постсоветском пространстве, подавляющее большинство государств в Африке и Юго-Восточной Азии, на Латиноамериканском континенте и на Ближнем Востоке. Традиционализм является одним из главных факторов, определяющих пределы правовой интеграции. Традиционализм определяет границы правовой интеграции не только для государства, общества, но и личности, и, в первую очередь, в сфере прав человека и их защиты.

На протяжении всей истории, вплоть до середины XX в., вопрос защиты прав человека был сугубо внутренней исключительной компетенцией каждого государства. В настоящее время — это «критерий, степень доверия к государству» (Saidov, 2007:30) и «права человека, их реализация маркируют природу государства» (Lukasheva, 2002:35). Это стало очевидным после принятия ООН Международных пактов о гражданских и политических правах, об экономических, социальных и культурных правах (Пакты о правах) 1966 г.⁴, Европейской

---

⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2200 (XXI) «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах и Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 г. // Документ ООН A/RES/2200(XXI).

конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.⁵, Американской конвенции о правах человека 1969 г.⁶, Африканской хартии прав человека и народов 1981 г.⁷, Арабской хартии прав человека 1994 г.⁸, Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г.⁹ и др. Государства сами стали устанавливать пределы ограничений, подвергая международно-правовому регулированию те или иные вопросы внутригосударственных отношений. Например, следуя требованиям международно-правовых стандартов в сфере прав человека, государства устанавливают правила проведения выборов (через регулярные интервалы времени, тайным голосованием, на многопартийной основе, с участием иностранных наблюдателей и т.д.).

Процессы глобализации и правовой интеграции требуют признания универсальности прав человека. Таковыми рассматриваются права человека, зафиксированные во Всеобщей декларации прав человека 1948 года и других международно-правовых документах, в которых отражаются в основном западные либеральные и неолиберальные воззрения и представления о правах человека. В отечественной и зарубежной литературе не прекращается дискуссия по вопросу универсальности прав человека (Lukasheva, 2002:35–48), зафиксированных в международных актах. На наш взгляд, в вышеперечисленных международных актах закреплён лишь универсальный минимум прав и свобод человека, который должно гарантировать государство на современном этапе развития. И основанием к этому следует считать то обстоятельство, что нормы в международных актах созданы не произвольно, по чьему-то замыслу, а взяты «из коллективного опыта и общего наследия всех народов мира и представляют собой универсальные стандарты поведения для всех народов и государств» (Myullerson, 1991:11).

Объём прав и свобод человека, степень их гарантированности и защиты каждое государство определяет по своему усмотрению в зависимости как от объективных причин цивилизационного развития (особенности этнических, ре-

---

⁵ Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // Собрание законодательства РФ. 08.01.2001. № 2. Ст. 163.

⁶ American Convention on Human Rights (Adopted at the Inter-American Specialized Conference on Human Rights, San José, Costa Rica, 22 November 1969) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.oas.org/dil/treaties_B-32_American_Convention_on_Human_Rights_sign.htm (дата обращения: 15 марта 2018 г.).

⁷ African Charter on Human and Peoples' Rights 1981 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.achpr.org/instruments/achpr> (дата обращения: 15 марта 2018 г.).

⁸ Council of the League of Arab States, Arab Charter on Human Rights, September 15, 1994, reprinted in 18 Hum. Rts. L.J. 151 (1997) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/instreet/arabcharter.html> (дата обращения: 15 марта 2018 г.).

⁹ Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. Вступила в силу 11 августа 1998 г. // Собрание законодательства РФ, 29.03.1999. № 13. Ст. 1489.

лигиозных, правовых традиций, общей политической и правовой культуры), экономического уровня, так и от субъективных факторов, политико-правового курса правящей элиты.

Несмотря на то, что в большинстве современных государств имеет место конституционное закрепление прав и свобод человека, содержание этого правового института в разных странах зачастую наполнено различными смыслами. Речь идет, прежде всего, о цивилизационных различиях так называемых западных и восточных ценностей в области прав человека.

Так, применительно к восточным обществам, как утверждает Б.С. Юрасов, «для социокультурной основы характерен “монизм” — единство индивида и общества, ориентация человека на межличностные связи (этнические, клановые, религиозные и т.д.), в противоположность утвердившемуся в западной системе духовности дуализму субъекта и объекта, индивида и общества, ориентации человека в этой системе на рациональное познание действительности и ее изменение, и индивидуальный успех» (Erasov, 2000:46). В исламской цивилизации возникла своя концепция прав человека, не похожая на комплекс прав и свобод, закрепленных в хартиях, декларациях и решениях ООН. Она встроена в комплекс религиозных предписаний.

То же самое происходит и в странах, принадлежащих к так называемому «конфуцианскому культурному ареалу». М.А. Супатаев отмечает, что «конфуцианская установка на изучение всего, что не противоречит принципу гуманности и полезно для величия государства, семьи и отдельного человека, конфуцианские идеалы ответственности и долга безотказно действуют в этих странах и по сей день» (Supataev, 2012:19). В Китае конфуцианство и марксизм приспособляются друг к другу, что не удивительно, поскольку марксизм как идеология никогда не предполагал индивидуализма, наоборот, всячески пропагандировал коллективизм, патернализм, взаимопомощь и взаимовыручку.

В Японии до сих пор первостепенное значение имеют естественно-правовые и моральные категории «правильности» и «справедливости», а не юридические нормативные установления. Хотя Япония испытала в значительной мере вестернизацию сначала в эпоху Мэйдзи в XIX в., а затем и в середине XX в. в связи с принятием Конституции 1946 г. с последующими реформами действующего законодательства, применение современного права наталкивается на «мистический сентиментализм японцев, больше любящих поэзию, чем логику, и довольно равнодушных в силу самой их истории к идеям свободы и человеческого достоинства» (David; Zhoffre-Spinozi, 1992:457).

Таким образом, универсальность неотъемлемых прав человека в тех стандартах, которые заданы в международных актах, безусловно оправдана. Подтверждением тому является их конституционное закрепление в большинстве современных государств. Вместе с тем для традиционных обществ «общечеловеческий смысл» прав человека, содержащихся в международно-правовых документах, не столь очевиден. На их взгляд, при формировании универсальных

прав человека нельзя не учитывать различие истории, культуры, традиций разных народов мира, стремящихся к сохранению своей самобытности. Этим и определяются пределы правовой интеграции в социальной сфере.

V. Юридический фактор — национальные традиции в праве

В условиях глобализации довольно четко проявляется тенденция универсализации и унификации права, введение в правовые системы государств единообразных норм. В.С. Нерсисянц значительно шире раздвигает хронологические границы данных процессов, утверждая следующее: «Формирование и развитие права (от его примитивных до современных развитых форм) при всех особенностях национальных систем права представляют собой историю его все большей универсализации и унификации, историю движения ко все более глобальному праву» (Nersesyants, 2005:40). Этот процесс именно в современном глобализирующемся мире наталкивается на непреодолимые или труднопреодолимые преграды, связанные с национально-культурными особенностями национальных правовых систем. А государства ставят перед собой задачу поиска национальной правовой идентичности, связывая глобальные «вызовы» с посягательствами на суверенитет.

Каждая страна накопила, сохранила и преумножила свои правовые концепции, традиции правовой культуры и специфические юридические институты. Они обнаруживаются в правотворческой и правоприменительной сферах. У каждого народа и общества есть свои правовые особенности, с которыми знакомится любой приезжающий в эту страну, воспринимая их как понятные, узнаваемые, либо как неизвестные. По меткому выражению М.Ю. Тихомирова, «богатство и многообразие правового мира является одним из ярких свидетельств ценности потенциалов мирового сообщества» (Tikhomirov, 1996:13).

Доминировавшая до недавнего времени тенденция к сближению принципов права и национальных законодательств побуждала исследователей искать прежде всего общие черты правовых систем с целью их гармонизации, унификации, относиться к правовым различиям как к явлению преходящему. В современном правовом мире формируется тенденция тщательного изучения и оценки национально-правовых различий, непозволительности проявления к ним повышенного критицизма. Ведь «речь идет о национально-правовом достоянии народов и стран, о том общем и специфическом, что они вносят в мировую правовую “копилку”» (Tikhomirov, 1996:13).

Необходимость и актуальность исследования национально-правовых традиций обусловлена в том числе и прагматическими (практическими) целями. Выявление и тщательное изучение традиций дает критерий объема и рамок рецепции, за пределами которой она становится бессмысленной, что останавливает национального законодателя в попытках слепого заимствования иностранных правовых моделей. Это характерно, в первую очередь, для новых госу-

дарств, законодатели и правительства которых находятся в поиске наиболее эффективных правовых решений, выработанных и апробированных в других государствах. Речь идет о странах не только Африки, Азии, Ближнего и Среднего Востока, но и Восточной Европы, Китае, а также странах ближнего зарубежья. Данная проблема актуальна и для стран Европейского Союза со сложившимися правовыми традициями принципов права, правотворчества и правоприменения.

Здесь уместно обратить внимание на особенности в системе источников права, что отражает специфику правовых семей. Так, например, в странах континентальной Европы исходным для правовой системы является верховенство конституции и закона; в Африке — норм обычно-традиционного права; в Англии — прецедентного права; в Азии — религиозно-нравственных норм.

С традициями и правовой культурой связан наибольший объем правовых различий. Как верно отметил Ю.А. Тихомиров, «история каждого государства и группы стран общей судьбы или связанных между собой прочными экономическими, культурными узами и географической близостью, формирует устойчивые правовые воззрения, традиции и правовую культуру» (Tikhomirov, 1996:19).

В самом деле, отношение к праву у населения неодинаково. Законопослушание скандинавов, англичан и немцев контрастирует с пренебрежением к формальным нормам в кавказском регионе, в мусульманском мире. Следовательно, одно из коренных различий стран и народов заключается в разных этнических, религиозных и мировоззренческих истоках права.

Анализ национальных правовых традиций того или иного народа не может не представлять интереса для специалистов. Как следствие — одними из самых распространенных направлений в современной правовой науке являются изучение права с культурологических позиций. Актуальность данной проблемы определяется следующим. Целый ряд стран, еще недавно отстававших в социально-экономическом и научно-техническом отношении (Китай, Индия, Сингапур и др.), постепенно превращаются в центры мирового развития и притяжения. Вступив на путь системного обновления общества, усвоив при этом инструментальные компоненты западной культуры (структуру материального производства, инновационные технологии, способы трансляции информации и т.д.), эти страны, как отмечает М.А. Супатаев, «в гораздо меньшей степени склонны отказываться от экзистенциальных начал своей собственной культуры, национальных традиций в праве» (Supataev, 2012:109). Такая тенденция проявлялась еще в XX веке в связи с вестернизацией права стран Азии и Африки в колониальный и постколониальный периоды.

Исследователи отмечают, что несмотря на интеграцию обычно-правовых норм в законодательство, судебную практику, судебный прецедент в английских колониях либо их прямой запрет во французских колониях, эти нормы продолжали действовать, а европейские нормы и принципы воспринимались как явление чужеродное (Krashennikova, 2009; Muromtsev, 2016). Даже в Ин-

дии, где в результате интеграции английского и обычно-традиционного права сформировалось так называемое «англо-индусское право» (Krashennikova, 2009:25), сегодня в деревенских судах зачастую применяются несанкционированные обычаи, часто противоречащие нормам закона.

Подобная ситуация, когда наряду с так называемыми «централизованными» правовыми системами (уголовного, гражданского, коммерческого права), могут существовать другие правовые регуляторы различного типа, сохраняется и сегодня. Особенно это характерно для государств с полиэтничным, мультикультурным составом населения. Эти нормы, как правило, имеют разную степень формализации и действенности среди различных групп населения одного общества и государства. Они также являются результатом историко-культурной традиции аборигенных или иммигрантских групп, принадлежащих к категории этнических или религиозных меньшинств.

Различные взгляды и концепции о правовом разнообразии, правовом плюрализме обсуждаются на протяжении довольно длительного времени, но наибольшую актуальность они получили в нынешний период глобализации и унификации права. Понятие «правовой плюрализм» в юридической науке появилось в результате синтеза социологической школы права с антропологией и культурологией и означает ситуацию, когда в границах одного государства существует одновременно несколько правовых систем, что, в свою очередь, предполагает признание того, что государство не обладает исключительной монополией на право. Культурологи утверждают, что «имеет место состязательный процесс между правовым централизмом (государственным правом) и правовым разнообразием» (Benda-Bekmann, 1999:6). Национальное право страны «отражает доминирующий интерес или доминирующую волю, за которыми стоят господствующая сила, господствующая идеология и господствующая культура, которые стремятся создать “единое правовое пространство” на контролируемой территории, поэтому почти всегда имеет место ситуация, когда централизованное право наталкивается и вступает в противоречие с местной традицией, с локальной спецификой» (Benda-Bekmann, 1999:6). Многочисленные исследования в бывших колониях дали огромное количество подтверждений того, что правовой плюрализм является реальностью, с которой эти страны вынуждены считаться.

Сегодня компаративисты пришли к единому мнению, что одного объекта — материального права, как предлагал Р. Давид в середине XX в., для выявления национально-правовых различий в правовых системах недостаточно. Необходимо учитывать всю правовую инфраструктуру со всеми ее составляющими. Особенно на этом настаивают американские компаративисты (Glendon, Gordon & Osakwe, 1985:160). Американское сравнительное право глубоко социологично. Оно обращает внимание на поведенческую и процессуальную сторону правового регулирования при характеристике правовых систем. А это невозможно без учета правовых традиций.

Особенно устойчиво правовые традиции проявляются в частной сфере, которая непосредственно связана с народной жизнью, общественной моралью и культурой. К.В. Арановский справедливо отмечал, что «свойства частнопредправовой сферы формировались, в основном, не по единому замыслу, а эволюционно, стали продуктом естественного развития» (Aranovskii, 2002:163). В них больше всего проявляется устойчивость правовых традиций. Эти элементы правовой жизни не так подвержены текущей политике, реформируются непросто и являются сдерживающим фактором для политиков и реформаторов. Поэтому их заимствование затруднено.

Сфера публичного права, особенно конституционное право, напротив, отличается большей подвижностью, восприимчивостью к идейно-теоретическим и политическим веяниям. Публичное право не так «привязано» к национальным традициям, как право частное. Легче заменить монархию республикой и переписать конституцию, чем коренным образом обновить гражданско-правовое регулирование и «привить его в обществе». Реформа избирательного процесса — трудоемкая и рискованная задача, но изменить избирательную процедуру можно. Англо-американцы и европейцы, находясь в разных правовых семьях, имеют хорошо отлаженные системы федерализма, разделения властей, парламентской монархии. Латинская Америка, освободившись от испанской зависимости и попав под мощное влияние США, не восприняла систему общего права, но сумела заимствовать институты американского конституционализма.

Правовые традиции аккумулируют национальные различия в праве, определяя его специфику и несхожесть, что препятствует современным процессам сближения и унификации. В этой ситуации следует изучать и оценивать их как в интересах обеспечения национально-особенного, так и в русле интегративно-правовых начал в общеисторическом процессе правового развития, на что справедливо обращает внимание Н.В. Варламова, выделяя задачи, стоящие перед мировым сообществом в эпоху глобализации. «Во-первых, — отмечает автор, — это унификация социальных порядков, т.е. выработка и поддержание определенных международных (универсальных и региональных) стандартов, которым должны соответствовать национальные правовые порядки; во-вторых, — сохранение в рамках каждого правового порядка его специфики, идентичности, правовой традиции, ибо только наличие разнообразия обеспечивает перспективы дальнейшего развития» (Varlamova, 2014:104). Существование правовых различий между странами и народами в эпоху глобализации определяет выбор курса государств на их уменьшение, что не всегда это оказывается возможным.

VI. Заключение

Правовая интеграция есть обязательное условие для существования государств в современном глобализирующемся мире. Однако, становятся очевидными факторы, определяющие ее пределы: фактор разноразвитости цивилиза-

ционного развития современных обществ и государств, политический, экономический, социальный, юридический факторы.

Наличие, как минимум, двух цивилизационных систем в современном мире существенно мешает процессам глобализации, являясь значительным фактором, определяющим пределы правовой интеграции. Очевидно, что правовая интеграция возможна и происходит в тех отраслях государственной и правовой жизни, в которых не имеет принципиального значения влияние нравов, социальной организации и религии. Государства с потестарным типом цивилизации в первую очередь испытывают страх быть поглощенными мировой экономикой, стать ее сырьевым придатком, «потерять» суверенитет, свою идентичность, в том числе и правовую.

В политической и экономической сферах интеграционные процессы обретают свои границы в связи с национальными интересами государств, вступающих в региональные или международные организации, союзы. Зачастую политическая воля правящей элиты, исходя из ее интересов, направлена на консервацию политических и экономических изменений, что препятствует глобализационным процессам.

В социальной сфере правовая интеграция имеет наибольший объем пределов из-за достаточно большого количества на правовой карте мира стран с традиционной структурой общества и доиндустриальной экономикой, где право синкретно, а глобализационные процессы воспринимаются как вызов национально-правовой идентичности и только усиливают тенденции к сохранению национальных и цивилизационных ценностей. Традиционализм в таких обществах, где коллективизм является основой социальных отношений, присутствует и в сфере защиты прав человека.

Интеграционные процессы в юридической сфере идут давно. Речь идет о стирании граней между романо-германской и англосаксонской правовыми традициями на основе общих цивилизационных ценностей: рыночная экономика, общность правовой культуры, основанной на единых либеральных ценностях, что выражается во взаимопроникновении источников права, снижении актуальности деления права на публичное и частное, материальное и процессуальное, сближении правовых систем в части систематизации и кодификации права, методов правового регулирования. Вне зоны правовой интеграции тем не менее остаются такие правовые различия, как удельный вес источников права, особенности в толковании международно-правовых актов, коллизии в правопорядках различных стран, что, очевидно, является факторами, препятствующими даже региональной европейской правовой интеграции и глобализации.

Совсем иначе дело обстоит с правовыми системами неевропейского типа, так называемыми традиционными, «иррациональными» правовыми системами, где право слито с религиозными и нравственными нормами, когда подчас позитивное писанное право выстроено в соответствии с европейскими традициями (есть кодексы, конституции), но их наполнение пронизано религиозно-

нравственным смыслом. А главное, правосознание, отношение к праву, к суду слито с религиозно-нравственным сознанием. И это весомый фактор, определяющий пределы, или границы, глобальной правовой интеграции.

Библиографический список / References

- Aranovskii, K.V. (2002). Nachalo sravnitel'nogo prava v Rossii. [The Origin of Comparative Law in Russia]. *Rossiiskii zhurnal sravnitel'nogo prava* [Russian Journal of Comparative Law], (1), pp. 162–172. (in Russian).
Арановский К.В. Начало сравнительного права в России // Российский журнал сравнительного права. 2002. №1. С. 162–172.
- Benda-Beckmann, K. (1999). Pravovoj plyuralizm v menyayushhemsya mire [Legal Pluralism in a Changing World]. In: *Obychnoe pravo i pravovoj plyuralizm. Materialy XI Mezhdunarodnogo kongressa po obychnomu pravu i pravovomu plyuralizmu, avgust 1997 g.* [Customary Law and Legal Pluralism: Proceedings of XI International Congress on Customary Law and Legal Pluralism, August 1997]. Moscow: Nauka, pp. 3–9. (in Russian).
Бенда-Бекманн К. Правовой плюрализм в меняющемся мире // Обычное право и правовой плюрализм. Материалы XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму, август 1997 г. М.: Наука, 1999. С. 3–9.
- Bodin, J. (1962). *The Six Books of a Commonwealth*. Introduction by K.D. McRae. Cambridge: Harvard University Press.
- Bondar, N. S. (2005). *Vlast' i svoboda na vesakh konstitutsionnogo pravosudiya. Zashchita prav cheloveka Konstitutsionnym Sudom Rossiiskoi Federatsii* [Power and Freedom on the Scales of Constitutional Justice: the Protection of Human Rights by the Constitutional Court of the Russian Federation]. Moscow: Yustitsinform publ. (in Russian).
Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия. Защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2005. 593 с.
- Chetvernin, V.A. (2003). *Vvedenie v kurs obshchei teorii prava i gosudarstva. Uchebnoe posobie* [Introduction to General Theory of Law and State. Tutorial]. Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN publ. (in Russian).
Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства. Учебное пособие. М.: Институт государства и права РАН, 2003. 204 с.
- Chirkin, V.E. (2015). *Nadnatsional'noe pravo i gosudarstvennyj suverenitet (nekotorye problemy teorii)* [Supranational Law and State Sovereignty (Some Problems of Theory)]. Moscow: Norma: Infra-M Publ. (in Russian).
Чиркин В.Е. Наднациональное право и государственный суверенитет (некоторые проблемы теории). М.: Норма: Инфра-М, 2015. 40 с.
- David, R., Zhoffre-Spinozi, K. (1992). *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [The Main Legal Systems of Contemporaneity]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (in Russian).
Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 1992. 496 с.
- Easton, D.A. (1965). *Systems Analysis of Political Life*. New York: John Wiley and Sons Ltd.
- Ellinek, G. (1903). *Obshchee uchenie o gosudarstve* [General Doctrine of the State]. Saint Petersburg: N.K. Martinov Publ. (in Russian).
Эллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Издание Юридического Книжного Магазина Н.К. Мартынова, 1903. 532 с.

- Engibaryan, R.V., Tadevosyan, E.V. (2000). *Konstitutsionnoe pravo* [Constitutional Law]. Moscow: Yurist. (in Russian).
Энгибарян Р.В., Тадевосян Э.В. Конституционное право. М. Юрист, 2000. 492 с.
- Erasov, B.S. (2000). *Printsipy i vozmozhnosti tsivilizatsionnoi komparativistiki. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii mira* [Principles and Possibilities of Civilizational Comparative Studies. Comparative Study of World's Civilizations]. Moscow: Aspekt Press Publ. (in Russian).
Ерасов Б.С. Принципы и возможности цивилизационной компаративистики. Сравнительное изучение цивилизаций мира. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с.
- Esmeñ, A. (1898). *Obshhie osnovaniya konstitutsionnogo prava* [General grounds for constitutional law]. *Zhurnal yuridicheskogo obshhestva pri Imperatorskom S.-Peterburgskom universite* [Journal of the Law Society under the Imperial St. Petersburg University], (3), pp. 18–21. (in Russian).
Эсмен А. Общие основания конституционного права: Пер. с франц. / под ред. В. Дерюжинского // Журнал юридического общества: Март. при Императорском С.-Петербургском университете. С.-Пб.: Тип. Правительствующего Сената. 1898. Кн. 3. С. 18–21.
- Glendon, M.A., Gordon, M.W., Osakwe, C. (1985). *Comparative Legal Traditions: Text, Materials, and the Cases on the Civil Law, Common Law, and Socialist Law Traditions, with Special Reference to French, West German, English, and Soviet Law*. Saint Paul: West Publishing Company.
- Guehenno, J. (1995). *The End of the Nation State*. London: University of Minnesota Press.
- Held, D., McGrew, A., Goldblatt, D., Perraton, J. (1999). *Contents and Introduction in Global Transformations: Politics, Economics and Culture*. Stanford: Stanford University Press.
- Huntington, S. (2003). *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Moscow: AST Publ. (in Russian).
Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
- Kalamanova, S.V. (2010). *Gosudarstvennyi suverenitet: problemy opredeleniya ponyatiya* [State Sovereignty: Issues of Definition of a Concept]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], (1), pp. 158–166. (in Russian).
Каламанова С.В. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия // Социология власти. 2010. № 1. С. 158–166.
- Krashennnikova, N.A. (2009). *Pravovaya kul'tura sovremennoi Indii: innovatsionnye i traditsionnye cherty* [The Legal Culture of Modern India: Innovative and Traditional Features]. Moscow: NORMA: INFRA-M Publ. (in Russian).
Крашенинникова Н.А. Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2009. 304 с.
- Kukushkina, S.M. (2012). *Kontseptsiya gosudarstvennogo suvereniteta v usloviyakh globalizatsii* [The Concept of State Sovereignty in the Context of Globalization]. *Mariiskii yuridicheskii vestnik. Gosudarstvo i pravo: aktual'nye voprosy istorii i sovremennosti* [Marii Law Herald. State and Law: Actual Issues of History and Modernity], (9), pp. 86–96. (in Russian).
Кукушкина С.М. Концепция государственного суверенитета в условиях глобализации // Марийский юридический вестник. Государство и право: актуальные вопросы истории и современности. 2012. Вып. 9. С. 86–96.
- Lapaeva, V.V. (2016a). *Gosudarstvennyi suverenitet kak filosofsko-pravovaya problema* [State Sovereignty as Philosophical and Legal Problem]. *Trudy instituta gosudarstva i prava* [Proceedings of the State and Law Institute], (2), pp. 61–79. (in Russian).
Лапаева В.В. Государственный суверенитет как философско-правовая проблема // Труды института государства и права. 2016. № 2 (54). С. 61–79.

- Lapaeva, V.V. (2016b). Printsip formal'nogo ravenstva kak sushchnostnyi printsip prava [The Principle of Formal Equality as an Essential Principle of Law]. In: V.V. Lapaeva, A.V. Polyakov, V.V. Denisenko, eds., *Printsip formal'nogo ravenstva i vzaimnoe priznanie prava* [Principle of Formal Equality and Mutual Recognition of Law]. Moscow: Prospekt Publ., pp. 6–19. (in Russian).
- Лапаева, В.В. Принцип формального равенства как сущностный принцип права / Принцип формального равенства и взаимное признание права: коллективная монография / под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М.: Проспект, 2016. С. 6–19.
- Lukasheva, E.A. (2002). Prava cheloveka na rubezhe vekov [Human Rights at the Turn of the Centuries]. In: E.A. Lukasheva, ed., *Prava cheloveka: itogi veka, tendentsii, perspektivy* [Human Rights: the Outcome of the Century, Trends, Prospects]. Moscow: Norma Publ., pp. 35–48. (in Russian).
- Лукашева Е.А. Права человека на рубеже веков // Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / под общ. ред. Е.А. Лукашевой. М.: Норма, 2002. С. 35–48.
- Marchenko, M.N. (2009). *Gosudarstvo i pravo v usloviyakh globalizatsii* [State and Law in the Context of Globalization]. Moscow: Prospekt Publ. (in Russian).
- Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект, 2009. 399 с.
- Muromtsev, G.I. (2016). Sravnitel'no-pravovoe issledovanie proiskhozhdeniya prava [Comparative Legal Study of the Origin of Law]. In: M.V. Nenyatina, ed., *Sravnitel'nye issledovaniya pravovykh sistem, pravovykh kul'tur* [Comparative Studies of Legal Systems, Legal Cultures]. Moscow: RUDN Publ., pp. 162–187. (in Russian).
- Муромцев Г.И. Сравнительно-правовое исследование происхождения права // Сравнительные исследования правовых систем, правовых культур: учебное пособие / под ред. М.В. Немытиной. М.: РУДН, 2016. С. 162–187.
- Myuллerson, R.A. (1991). *Prava cheloveka: idei, normy, real'nost* [Human rights: ideas, norms, reality]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
- Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М.: Юридическая литература, 1991. 160 с.
- Nersesyants, V.S. (1999). *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General Theory of Law and the State]. Moscow: Norma Publ. (in Russian).
- Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: Норма: Инфра-М, 1999. 552 с.
- Nersesyants, V.S. (2005). Protsessy universalizatsii prava i gosudarstva v globaliziruyushchemsya mire [The Processes of Universalization of Law and State in Globalizing World]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], (5), pp. 40–51. (in Russian).
- Нерсесянц В.С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире // Государство и право. 2005. № 5. С. 40–51.
- Nersesyants, V.S. (2006). *Filosofiya prava: Uchebnik dlya vuzov* [Philosophy of Law: Textbook for High Schools]. Moscow: Norma Publ. (in Russian).
- Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М.: Норма, 2006. 640 с.
- Ohmae, K. (1995). *The End of the Nation State: The Rise of Regional Economics*. London: Free Press.
- Saidov, A.Kh. (2007). Unifikatsiya prava kak forma sblizheniya natsional'nykh zakonodatel'stv [Unification as a form of convergence of national legislations]. In: *Vliyanie mezhdunarodnogo prava na natsional'noe zakonodatel'stvo. Materialy zasedaniya Mezhdunarodnoj shkoly-praktikuma mladyykh uchyonnykh-yuristov* [The Influence of International Law on National Legislation. Proceedings of the Meeting of The International School-Workshop of Young Lawyers-Scientifics]. Moscow: Izdatel'skiy Dom "Yurisprudentsiya" Publ., pp. 21–30. (in Russian).

- Саидов А.Х.* Унификация права как форма сближения национальных законодательств // Влияние международного права на национальное законодательство. Материалы заседания Международной школы-практикума молодых ученых-юристов. Москва, 24–26 мая 2007 г. М.: Изд. Дом «Юриспруденция», 2007. С. 21–30.
- Sokol'shchik, I.M. (2007). Tipy ponimaniya gosudarstva [Types of the Understanding of the State]. *Ezhegodnik libertarno-yuridicheskoi teorii* [Yearbook of Libertarian-Legal Theory], (1), pp. 107–122. (in Russian).
- Соколыцик И.М.* Типы понимания государства // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 1. М.: ГУ-ВШ, 2007. С. 107–122.
- Supataev, M.A. (2012). *K problematike tsivilizatsionnogo podkhoda k pravu: ocherki obshchei teorii i praktiki* [To the Problems of the Civilizational Approach to Law]. Moscow: Yurлитинформ Publ. (in Russian).
- Супатаев М.А.* К проблематике цивилизационного подхода к праву: очерки общей теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2012. 109 с.
- Tavis, L. (2002). Corporate Governance and the Global Social Void. *Vanderbilt Journal of Transnational Law*, 35(2), pp. 501–506.
- Tikhomirov, Yu.A. (1996). *Kurs sravnitel'nogo pravovedeniya* [Course of Comparative Law]. Moscow: Norma Publ. (in Russian).
- Тихомиров Ю.А.* Курс сравнительного правоведения. М.: Норма, 1996. 427 с.
- Tikhomirov, Yu.A. (2006). Sravnitel'noe pravovedenie: razvitie kontseptsii i obshchestvennoi praktiki [Comparative Law: Development of the Concepts and Social Practice]. *Zhurnal Rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], (6), pp. 3–15. (in Russian).
- Тихомиров Ю.А.* Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 3–15.
- Tikhomirov, Yu.A. (2006). Suverenitet v usloviyakh globalizatsii [Sovereignty in the Context of Globalization]. *Pravo i politika* [Law and Politics], (11), pp. 37–44. (in Russian).
- Тихомиров Ю.А.* Суверенитет в условиях глобализации // Право и политика. 2006. № 11. С. 37–44.
- Tokvil, A. (2000). *Demokratiya v Amerike* [Democracy in the America]. Moscow: Izdatel'stvo "Ves' Mir". (in Russian).
- Токвиль А.* Демократия в Америке: пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. М.: Издательство «Весь Мир», 2000. 560 с.
- Varlamova, N.V. (2014). Zapadnaya pravovaya traditsiya v usloviyakh globalizatsii: vnutrennie i vneshnie vyzovy [Western Legal Tradition in the Context of Globalization: Internal and External Challenges]. In: G.I. Muromtsev, M.V. Nemytina, eds., *Pravovye traditsii. Zhidkovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii* [Interests in Law. Zhidkov's readings: Proceedings of International Scientific Conference]. Moscow: RUDN Publ., pp. 103–111. (in Russian).
- Варламова Н.В.* Западная правовая традиция в условиях глобализации: внутренние и внешние вызовы // Правовые традиции. Жидковские чтения: материалы Международной научной конференции. Москва, 29–30 марта 2013 г. / отв. ред. Г.И. Муромцев, М.В. Немытина. М.: РУДН, 2014. С. 103–111.
- Veber, M. (1990). *Izbrannie proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress Publ. (in Russian).
- Вебер М.* Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденоко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Сведения об авторе

Павлова Наталья Георгиевна, доцент, кафедра теории права и государства, юридический институт, Российский университет дружбы народов

ORCID ID: 0000-0001-7126-743X

Контактная информация:

e-mail: tima-61@bk.ru

Для цитирования:

Павлова Н.Г. Национально-культурные пределы правовой интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 2. С. 172–195. doi: 10.22363/2313-2337-2018-22-2-172-195.

Дата поступления в редакцию: 15 марта 2018 г.

Дата принятия к печати: 15 апреля 2018 г.

FACTORS DETERMINING THE LIMITS OF LEGAL INTEGRATION

Natalya G. Pavlova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Law Institute

6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the study of the factors determining the boundaries or limits of legal integration in the modern globalizing world. All historical experience shows that the boundaries of legal integration have limits beyond which it loses its rationality and necessity. Legal integration is both a condition and a consequence of globalization processes. Capital is cosmopolitan, rational and requires free promotion of goods, services and labor, and law in modern national legal systems reveals both rational qualities and irrational characteristics connected with socio-cultural traditions and peculiarities.

The author outlines the following factors that determine the limits of legal integration, highlighted by the processes of globalization: the political factor connected with the state (its essence, organization and regime of power). The fact is that globalization, primarily economic, is an objective process, it is not formed according to the plan, but the essence, form, functions of the state are the subjective choice of a nation, the ruling elite, that chooses the state's course towards harmonization and approximation of national legislations, or to closeness, protecting their legal identity. And this dictates the limits of legal integration; the social factor that determines the quality and maturity of civil society, the level of its civilizational development, as well as the system of protecting the rights of the individual; and, finally, the legal factor connected with deep legal traditions, beginning with the peculiarities of legal technique and ending with the peculiarities of legal consciousness and attitude to the law.

As a result of the study, the author comes to the following conclusion: socio-cultural characteristics in all spheres of state and public life (political, economic, social) accumulate national and legal differences in law, defining its specificity and dissimilarity, which impedes modern processes of rapprochement and unification by establishing its limits. In this situation it is necessary to study and evaluate it objectively, carefully, in the interests of ensuring both nationally-special and integrative-legal principles in the general historical process of legal development.

Key words: legal integration; globalization; state sovereignty; national-state identity; civilization-al values; national and legal differences; universality of human rights; borders and limits of legal integration; factors

Information about the Author

Natalya G. Pavlova, Candidate of Legal Sciences, Associate professor, Department of Theory of Law and State, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ORCID ID: 0000-0001-7126-743X

Contact information:

e-mail: tima-61@bk.ru

For citation:

Pavlova, N.G. (2018). Factors Determining the Limits of Legal Integration. *RUDN Journal of Law*, 22 (2), pp. 172–195. doi: 10.22363/2313-2337-2018-22-2-172-195.

Article received March 15, 2018

Article accepted April 15, 2018